

ОБЪ ОФИЦЕРАХЪ АРМЕЙСКИХЪ НѢХОТНЫХЪ ПОЛКОВЪ,

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:

СТЕПЕНЬ ОБРАЗОВАНІЯ ОФИЦЕРОВЪ ВЪ АРМІИ.

Появленіе въ свѣтъ «Военнаго Сборника» было привѣтствовано нами, офицерами, съ живымъ и искреннимъ сочувствіемъ. Сочувствіе это проистекало изъ весьма понятнаго источника: «Военный Сборникъ», предназначаясь служить дѣлу развитія и совершенствованія военнаго сословія и, въ то же время, предоставляя намъ возможность выражать наши нужды и мысли печатнымъ словомъ, удовлетворялъ, такимъ образомъ, двумъ присутимъ намъ потребностямъ. Понятно, съ какимъ любопытствомъ перелистовали мы первый вышедшій номеръ журнала; понятно, съ какимъ вниманіемъ слѣдили мы за первыми появившимися въ журналѣ статьями.

Много разностороннихъ и разнородныхъ толковъ возбудили эти статьи, и больше всѣхъ статья г. Л. К.: «Степень образованія офицеровъ въ арміи». Авторъ, говоря объ офицерахъ, во-
Т. IX. Отд. II. 27

спитанныхъ въ корпусѣ, и о тѣхъ изъ нихъ, которые служили юнкерами, считаетъ послѣднихъ, по ихъ образованію и нравственному развитію, гораздо ниже первыхъ. Возбудивъ этотъ вопросъ, г. Л. К., конечно, долженъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудить въ бывшихъ кадетахъ желаніе поддержать его мнѣніе, а въ бывшихъ юнкерахъ—желаніе это мнѣніе опровергнуть: надо надѣяться, что затронутое самолюбіе тѣхъ и другихъ будетъ сильнымъ двигателемъ въ дѣлѣ образованія и что, такимъ образомъ, трудъ г. Л. К. не останется безплоднымъ для офицеровъ. Заслуга автора въ этомъ отношеніи очевидна; тѣмъ не менѣе, въ статьѣ его, какъ вѣроятно и въ большей части другихъ прекрасныхъ и безспорно полезныхъ статей, есть такія мысли, съ которыми нельзя согласиться.

Такъ, напримѣръ, авторъ, выставляя цифрами число офицеровъ, получившихъ воспитаніе въ корпусѣ и служившихъ юнкерами, обозначаетъ число юнкеровъ, воспитывавшихся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и выдержавшихъ экзаменъ; при этомъ онъ упускаетъ изъ виду, что собранныя имъ свѣдѣнія относятся до времени послѣдней войны, втеченіе которой поступила большая часть означенныхъ въ его перечневой вѣдомости юнкеровъ, и что въ это время принимались въ военную службу почти всѣ желающіе. Экзаменъ, которому они подвергались, дѣйствительно, былъ далеко не строгій; но снисхожденіе въ экзаменѣ находитъ извиненіе въ чувствахъ самихъ поступавшихъ на службу и избравшихъ ее въ то время, когда отечество нуждалось въ войнахъ: многіе изъ нихъ отличились впоследствии своею храбростію и честнымъ исполненіемъ своего долга въ бою. Въ мирное время этого снисхожденія не бываетъ, или, по крайней мѣрѣ, оно встрѣчается какъ исключеніе, и потому число юнкеровъ обыкновенно меньше. Обобщать выводы, сдѣланные изъ цифръ, выставленныхъ г. Л. К., было невозможно, и на основаніи ихъ нельзя дѣлать заключеній, относящихся не до одного военного, но и до мирнаго времени.

Въ мирное время экзаменаторы смотрятъ строго на испытаніе юнкеровъ. Тотъ юнкеръ, который хорошо выдержалъ установленный экзаменъ, можетъ, по справедливости, пазваться человекомъ до нѣкоторой степени энциклопедически образованнымъ и съ точки зрѣнія этого образованія смѣло можетъ поспорить знаніями съ офицеромъ, кончившимъ курсъ въ кадетскомъ

корпусѣ. Конечно, на сторонѣ послѣдняго будутъ познанія въ военныхъ наукахъ, — познанія, которыхъ юнкеръ, воспитывавшійся дома или въ какомъ нибудь гражданскомъ учебномъ заведеніи, не имѣетъ. Но, съ другой стороны, офицеръ выноситъ изъ своей юнкерской службы практической опытъ военной жизни и знаніе солдатскаго быта, которые не приобрѣтаются на кадетской скамьѣ. Намъ скажутъ, что они приобрѣтаются кадетомъ впоследствии, его офицерской службой, а вынесенныя имъ изъ корпуса теоретическія знанія все-таки остаются при немъ; но на это мы возразимъ, что солдатскія нужды узнаются труднѣе и медленнѣе офицеромъ, чѣмъ юнкеромъ, которому случается спать съ солдатомъ на одной нарѣ и ѣсть съ нимъ изъ одной чашки; прибавимъ къ этому, что спеціальныя познанія офицера, воспитывавшагося въ корпусѣ, быстро испаряются на службѣ. И это понятно. Познаній этихъ было много, но они были поверхностны. Всѣ они обременяли голову молодого 18 — 20-лѣтняго юноши своимъ числомъ и разнообразіемъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни въ одно изъ нихъ онъ не углубился достаточно, чтобы полюбить его. Корпусъ не далъ ему практическаго, вѣрнаго взгляда на жизнь; къ тому же, оставляя ученическую скамью, онъ еще такъ молодъ, что не заглядываетъ впередъ, не ищетъ того, что можетъ ему принести пользу современемъ, а увлекается тѣмъ, что ему пріятно и весело въ настоящую минуту. Предоставленный своей собственной волѣ, онъ едва ли будетъ продолжать учиться, и, однажды промѣнявъ умственную работу на бездѣйствіе, онъ уже на трудовой путь науки не вернется: такимъ образомъ его спеціально военныя познанія утрачиваются и мало по малу подходятъ подъ уровень познаній офицера, служившаго юнкеромъ и воспитывавшагося дома или въ гимназій. Наконецъ, тщательное домашнее и гимназическое воспитаніе даетъ достаточное основаніе человѣку способному и любознательному для того, чтобы идти впередъ въ дѣлѣ образованія. Вотъ почему трудно согласиться съ мыслью автора разбираемой статьи, — мыслью, нигдѣ не высказываемой прямо, но вездѣ проглядывающей, — что образованныхъ людей въ арміи можно искать только въ числѣ воспитывавшихся въ корпусѣ или окончившихъ курсъ въ университетахъ и лицей. Объ этихъ послѣднихъ мы не споримъ, хотя и изъ нихъ встрѣчаются исключенія; въ отношеніи же образованія первыхъ еще многого остается желать.

Если высокое мнѣніе г. Л. К. объ офицерахъ изъ кадетъ основано на офицерахъ гвардейскихъ и артиллерійскихъ, то онъ, вѣроятно, упустилъ изъ виду, что въ эти рода войска выпускаются на службу лучшіе воспитанники корпусовъ, и затѣмъ уже посредственные выходятъ въ армію.

Вообще трудно основывать оцѣнку познаній отдѣльной личности на такихъ данныхъ, какъ мѣсто воспитанія. Говоря это, мы невольно вспомингемъ слова корпуснаго командира, которому, опредѣляясь въ военную службу, мы представили аттестатъ, выданный намъ изъ учебнаго заведенія, гдѣ мы воспитывались. «Держите экзамень», сказалъ намъ генераль: «вамъ будетъ нетрудно его выдержать, если вашъ аттестатъ справедливъ; а въ моихъ глазахъ важно не то, чему вы учились, а что вы знаете».

Г. Л. К., между прочимъ, упоминаетъ, что ему не случилось видѣть ни одного юнкерскаго формулярнаго списка, въ которомъ было бы означено, что юнкеръ обучался алгебрѣ, геометріи, исторіи и нѣкоторымъ другимъ наукамъ, составляющимъ основу научнаго образованія. Но это объясняется очень просто, принятымъ обыкновеніемъ записывать въ формулярный списокъ только тѣ науки, которыя входятъ въ Высочайше утвержденную программу.

Недостаточное образованіе всей массы офицеровъ въ армейскихъ иѣхотныхъ полкахъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, относить никакъ не къ преобладанію въ арміи юнкерскаго элемента надъ кадетскимъ, а совершенно къ иному. Не въ первоначальномъ воспитаніи офицеровъ, а въ обстановкѣ ихъ послѣдующей, служебной жизни кроются причины этого недостаточнаго образованія. Общество и размѣнъ мыслей есть одно изъ важнѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ для нравственнаго развитія отдѣльнаго лица: армейскій же офицеръ мало и рѣдко пользуется обществомъ. Часто, заброшенный зимою въ дальнюю деревню, иногда въ курной избѣ, онъ не видитъ никого, кромѣ приходскаго священника; да и то достается не на долю всякаго. Къ помѣщикамъ онъ ѣздить затрудняется, отчасти потому, что на эти поѣздки недостаетъ средствъ, отчасти и потому, что онъ не всегда увѣренъ, будетъ ли пріятно его посѣщеніе. При подобной обстановкѣ, самому любознательному и дѣятельному человѣку не

пойдутъ занятія на умъ: некому высказать своего убѣжденія, не съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніемъ, произведеннымъ прочитанной статьей и результатомъ приобрѣтеннаго познанія, не съ кѣмъ затѣять плодovitаго мыслями спора; мало по малу онъ привыкаетъ къ бездѣятельному одиночеству. Лѣтъ черезъ десять такой службы, вмѣсто того, чтобы приобрѣсть какія нибудь новыя познанія, онъ забудетъ почти все, что зналъ прежде, и это случится безразлично и съ бывшимъ юнкеромъ и съ бывшимъ кадетомъ. Чтобы подтвердить наше мнѣніе о вліяніи общества на нравственное развитіе отдѣльныхъ лицъ, мы обратимъ вниманіе читателя на слѣдующее обстоятельство: въ то время, какъ армейскій офицеръ, при условіяхъ своего быта, чѣмъ долѣе служитъ, тѣмъ болѣе грубѣетъ и теряетъ свои познанія, гвардейскій офицеръ, при другихъ условіяхъ жизни, развивается и совершенствуется. Справедливость этого факта едва ли кто будетъ оспаривать.

Но чѣмъ слабѣе нравственное развитіе армейскихъ офицеровъ, чѣмъ къ нему менѣе способовъ, тѣмъ важнѣе для него было появленіе «Военнаго Сборника». Какъ же отозвалось вліяніе военно-литературнаго органа на офицерахъ, какое примѣненіе къ обыденной жизни нашли тѣ истины, которыя высказывались въ немъ?

Не знаемъ, что случится въ будущемъ, и не смѣемъ терять надежды на это будущее; но въ настоящее время мы не замѣчаемъ еще благотворнаго вліянія «Военнаго Сборника» на наше офицерское общество. Печатное слово, можетъ быть, и заронило сѣмена; но сѣмена эти еще не пустили отростковъ. Въ настоящее время мы пришли къ тому печальному убѣжденію, что восторгъ, которымъ былъ встрѣченъ «Военный Сборникъ» при своемъ появленіи въ свѣтъ, преимущественно проистекалъ между офицерами изъ желанія вторить общему голосу о необходимости образованія, а также и изъ побужденій самолюбія, польщеннаго приобрѣтеніемъ исключительно военнаго органа; однимъ словомъ, до сихъ поръ «Военный Сборникъ» для военныхъ людей еще только красивое растеніе, которымъ любятъ, но изъ котораго не умѣютъ извлекать существенной пользы.

Когда же идеи, выраженные какъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, такъ и въ общемъ направленіи журнала, находятъ себѣ практи-

ческое примѣненіе, то часто криво понимаются. Такъ, напримеръ, намъ извѣстенъ одинъ штабъ-офицеръ, который, проникнувшись мыслью, что человѣчное обращеніе съ подчиненными необходимо, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякое послабленіе дисциплины вредно, поставилъ себѣ за правило, въ силу современныхъ убѣжденій, быть крайне-вѣжливымъ у себя дома и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма рѣзкимъ и даже грубымъ во фронтѣ. Едва ли первымъ можетъ искупиться второе. Мы, съ своей стороны находимъ, что дисциплина поддерживается никакъ не грубымъ обращеніемъ съ подчиненными во фронтѣ, а справедливымъ и неуклоннымъ требованіемъ отъ нихъ точнаго исполненія обязанностей, что весьма возможно соединить съ вѣжливостью всегда и вездѣ.

Обращаясь ко всей массѣ офицеровъ, мы въ нихъ замѣчаемъ значительную долю равнодушія къ чтенію и къ прогрессу,—иначе сказать, мало сочувствія къ настоящимъ относительно ихъ видамъ правительства. Отчего же это происходитъ, отчего правительство въ двухъ своихъ рядомъ идущихъ начинаніяхъ—въ образованіи офицеровъ и въ грамотности нижнихъ чиновъ, получило два такихъ разныхъ результата? Грамотность солдатъ, какъ извѣстно, весьма быстро и успѣшно подвигается впередъ; нижніе чины съ рвеніемъ взялись за способы своего нравственнаго развитія и образованія.

Вышепоставленный нами вопросъ разрѣшается просто. Для солдатъ существуетъ пружина, двигающая ихъ впередъ: это—тѣ служебныя преимущества, которыя приобрѣтаются ими вмѣстѣ съ приобрѣтеніемъ познаній. Офицеры, съ своей стороны, не видятъ никакой матеріальной, существенной выгоды, соединенной для нихъ съ образованіемъ (*); между тѣмъ, трудовой путь умственной дѣятельности, какъ отдыхъ отъ физическаго труда и въ замѣну бездѣйствія, можетъ быть пріятенъ только испытавшему его; ступить на него въ первый разъ тяжело, и если офи-

---

(*) На это намъ могутъ возразить, что всякому офицеру открытъ свободный путь въ Военную Академію, окончаніе курса въ которой сопряжено со служебными преимуществами; но офицеры, избравшіе такой путь, рѣдко возвращаются во фронтъ; мы же собственно говоримъ о фронтowych армейскихъ офицерахъ.

церы въ настоящее время на этомъ пути равнодушны и бездѣтельны, то въ этомъ скорѣе слѣдуетъ винить не офицеровъ собственно, а вообще человѣческую природу, которой для всякой новой дѣятельности нужно наружное побужденіе.

Теперь является другой вопросъ: что можетъ быть такимъ наружнымъ побужденіемъ въ дѣлѣ образованія офицеровъ? Экзамены на всякій чинъ во многихъ отношеніяхъ затруднительны, и едва ли ими вполне достигнется предположенная цѣль:

Во Франціи (*) офицеры производятся въ слѣдующіе чины не по линіи, а избираются для такого производства достойнѣйшіе и способнѣйшіе. Для правильнаго примѣненія этого административнаго порядка, конечно, первое и важнѣйшее условіе состоитъ въ томъ, чтобы начальникъ коротко зналъ своихъ подчиненныхъ не только по службѣ, но и въ частной ихъ жизни. Нельзя не согласиться, что, при соблюденіи этого условія и при извѣстномъ развитіи общества, производство въ чины не по линіи, а по достоинству сильно побуждаетъ офицеровъ заниматься дѣльно и изыскивать средства къ своему нравственному совершенствованію; подкрѣпляетъ взаимныя отношенія старшихъ и младшихъ офицеровъ, сильнѣе развивъ во вторыхъ уваженіе къ личности первыхъ, уваженіе, главнѣйшимъ образомъ основанное на нравственномъ превосходствѣ, открываетъ дорогу людямъ даровитымъ и полезнымъ и опредѣляетъ извѣстными границами кругъ дѣятельности такихъ людей, дѣятельность которыхъ за предѣлами этихъ границъ дѣлается бесполезной, а иногда и вредной.

Вотъ наши мысли по этому предмету. Не считая ихъ непреложной истиной и предоставляя произнести надъ ними окончательное сужденіе людямъ болѣе насъ опытнымъ, мы, однако, думаемъ, что въ нихъ есть своя доля правды и что ближайшее ознакомленіе начальника съ личностями его подчиненныхъ, хотя и не для введенія въ нашей арміи французскаго производства въ чины, а для другихъ цѣлей, было бы не бесполезно и у насъ. Молодой офицеръ нуждается въ руководителѣ; онъ смѣлѣе и тверже пойдетъ на служебномъ пути, опираясь на совѣтъ стар-

(*) Почерпаемъ эти свѣдѣнія изъ «Военнаго Сборника, № 3-й 1858 года.

шаго; вмѣсто того, чтобы пробираться ошущью въ такихъ случаяхъ, когда онъ не рѣшается испрашивать приказанія начальника, онъ довѣрчиво обратится къ тому же начальнику за совѣтомъ, если только въ немъ есть убѣжденіе, что его неопытность не будетъ ему поставлена въ вину, или, выражался иначе, если онъ будетъ убѣжденъ, что его вопросъ не встрѣтитъ сухаго начальническаго отвѣта, а вызоветъ дружелюбное объясненіе обстоятельства, вовсе непонятаго имъ или не совершенно ему яснаго. Внушить своему подчиненному довѣренность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ознакомиться не только съ его служебными знаніями, но съ его способностями, наклонностями и образомъ мыслей, есть для начальника задача трудная, но исполненіе которой принесетъ несомнѣнную, огромную пользу. Къ этимъ мыслямъ насъ привелъ уже существующій примѣръ такого образа дѣйствій,—примѣръ, вполне достойный глубокаго сочувствія всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ прогресса и улучшеній въ войскѣ не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ.

Мы знаемъ одного начальника корпуснаго штаба, который дозволилъ ротнымъ командирамъ того корпуса обращаться къ нему частными письмами для разясненія всякихъ служебныхъ вопросовъ. Переписка эта совершенно освобождена отъ официального характера, и ротные командиры, понимая, что они, за выраженные въ своемъ письмѣ мысли, убѣжденія и предположенія, не подвергаются служебной отвѣтственности, пишутъ начальнику штаба откровенно и обстоятельно обо всемъ, объясняютъ факты, которыхъ въ официальной бумагѣ не рѣшились бы затронуть, и получаютъ отъ него въ отвѣтъ не приказанія начальника, а совѣты старшаго, болѣе опытнаго сослуживца. Совѣты начальника штаба принимаются къ исполненію ротными командирами, которые, съ своей стороны, разясняютъ генералу удобопримѣнимость той или другой административной мѣры въ такихъ подробностяхъ дѣла, которыя могли ускользнуть отъ высшаго начальника при обширномъ кругѣ его служебной дѣятельности и которыя коротко извѣстны ближайшему начальнику, потому что этотъ послѣдній ежедневно вращается въ опредѣленной, довольно ограниченной сферѣ дѣйствія, при чемъ его служебныя занятія не только дозволяютъ ему, но даже дѣлаютъ для него обязательнымъ входить во всевозможныя мелочи. Каждый ротный командиръ пишетъ начальнику штаба одинъ разъ

въ мѣсяцъ; генералъ отвѣчаетъ тоже ежемѣсячно тому изъ нихъ, котораго письмо представляетъ наиболѣе обильный матеріалъ для отвѣта: такимъ образомъ, почти всякій ротный командиръ получаетъ въ теченіе года, по крайней мѣрѣ, одно письмо отъ начальника штаба, каждое письмо котораго читается всѣми ротными командирами. Не говоря уже о другихъ, огромныхъ преимуществахъ подобной методы, укажемъ только на то, что она даетъ средства начальнику узнать своихъ подчиненныхъ, опредѣлить ихъ способности и познанія, до нѣкоторой степени измѣрить ихъ служебную дѣятельность въ ротахъ и обратить особое вниманіе на людей, представляющихъ достаточные задатки той пользы, которую они могутъ принести впослѣдствіи, на болѣе широкомъ поприщѣ служебной дѣятельности.

Принимая приведенный нами примѣръ за основаніе нашихъ предположеній, мы спросимъ: не полезно ли было бы, еслибъ начальники не только корпусныхъ, но и дивизіонныхъ штабовъ, какъ люди, получившіе наиболѣе обширное военное образованіе, вошли въ такую же частную переписку, и не съ одними ротными командирами, но и съ субалтернъ-офицерами, предлагая отъ времени до времени тѣмъ и другимъ вопросы, не выходящіе изъ круга ихъ служебной дѣятельности, но которые могли бы служить пробнымъ камнемъ ихъ познаній и способностей? Такая переписка, по нашему убѣжденію, ни въ какомъ случаѣ не должна быть обязательной для офицеровъ: иначе, она утратитъ все свое значеніе, и письма будутъ писаться нѣсколькими человѣками за всѣхъ, такимъ же образомъ, какъ нѣкогда разрѣшались математическія задачи артилерійскими офицерами. Избѣжать этого будетъ невозможно, потому что — на такихъ еще основаніяхъ стоять у насъ въ полкахъ товарищество—если письма будутъ обязательны, и офицеръ, способный и знающій откажется написать письмо за неспособнаго и незнающаго, то онъ прослыветъ дурнымъ товарищемъ и потеряетъ въ общемъ мнѣніи.

Какъ одинъ изъ способовъ сближенія полковаго командира съ офицерами его полка, для узнанія и опѣнки этихъ послѣднихъ, не разъ предлагались общіе столы. Не затрогивая вопроса объ общихъ столахъ въ экономическомъ отношеніи, не можемъ не замѣтить, что едва ли они представляютъ собою достаточное средство сближенія начальника съ его подчиненными. Полки

бываютъ раскинуты зимой на сотни верстъ, и въ зимнее время общіе столы, за нѣкоторыми исключеніями, невозможны въ армейскихъ полкахъ. При полковыхъ сборахъ, часть офицеровъ, тѣ, которые женаты, участвовать въ общемъ столѣ не будутъ; наконецъ и самъ полковой командиръ можетъ быть человѣкъ женатый и не участвовать въ общемъ столѣ; если же онъ въ немъ участвуетъ, то едва ли не стѣснить своимъ присутствіемъ откровенной бесѣды офицеровъ.

Могутъ возразить намъ, что полковой командиръ не будетъ стѣснять офицеровъ, если поставитъ себя съ ними внѣ службы на товарищескую ногу. Но для подобнаго способа дѣйствія, безъ ослабленія дисциплины, нужно большое умѣнье, нужна большая сноровка со стороны начальника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нуженъ свѣтлый и просвѣщенный взглядъ подчиненныхъ на свои обязанности. Найдется ли все это у насъ при нашемъ теперешнемъ развитіи? Нѣкоторые факты заставляютъ насъ дать на это, по нашему крайнему разумѣнію, отрицательный отвѣтъ.

Вотъ, для примѣра, одинъ случай.

Въ В. пѣхотномъ полку, былъ полковой командиръ, вполне удовлетворявшій современнымъ требованіямъ человѣчнаго обращенія съ подчиненными. При нѣкоторыхъ неровностяхъ характера, онъ никогда, однакожь, не позволилъ себѣ ни малѣйшей тѣни высокомерія въ отношеніи къ офицеру ни во фронтѣ, ни внѣ фронта. Человѣкъ, глубоко проникнутый убѣжденіемъ въ томъ, что его назначеніе состоитъ не въ подчиненіи офицеровъ полка своему произволу, а въ требованіи отъ нихъ добросовѣстнаго исполненія служебныхъ обязанностей, онъ всегда дѣйствовалъ согласно съ этимъ убѣжденіемъ. Офицеры полка имѣли къ нему постоянный доступъ; онъ былъ всегда готовъ подать имъ совѣтъ и служить имъ плодами своей опытности; нѣкоторыя ихъ ошибки, проистекавшія отъ молодости и вѣтренности, а не отъ испорченной нравственности, онъ не ставилъ имъ въ вину, а, напротивъ, готовъ былъ исправить эти ошибки и скрыть ихъ отъ постороннихъ глазъ.

Мы знавали и такихъ начальниковъ, которые были убѣждены, что вырвавшееся у нихъ въ пылу горячности слово должно быть выполнено, если бы они и сами сознали впоследствии неосновательность этого, даннаго ими, слова. Такое убѣжденіе

было прямымъ слѣдствіемъ желанія внушить подчиненному вѣру въ непогрѣшимость начальника, хотя бы его погрѣшимость и была для этого подчиненнаго въ данномъ случаѣ очевидна. Полковой командиръ, о которомъ мы говоримъ, понималъ вещи иначе: онъ зналъ, что, будучи наравнѣ съ другими смертными подверженъ человѣческимъ слабостямъ, при безпрестанныхъ столкновеніяхъ съ людьми, ему невозможно быть предъ ними всегда правымъ и невозможно подѣ-часъ не ошибиться; впасть въ ошибку, онъ никогда въ ней не упорствовалъ.

Поведеніе полковаго командира прямо указывало офицерамъ его полка на то, что онъ требуетъ повиновенія не лично себѣ, а повиновенія закону и исполненія долга. Понять это было нетрудно, а, между тѣмъ, было понято, или, лучше сказать, перетолковано совершенно иначе. Пользуясь деликатностью начальника, нѣкоторые офицеры начали уклоняться отъ своихъ обязанностей. Нашлись такіе, которые обратили легкій во всякое время доступъ къ полковому командиру въ пользу своихъ личныхъ видовъ, сопряженныхъ иногда съ неблаговидными намѣреніями относительно товарищей. Единство и дружба въ офицерскомъ обществѣ поколебались.

Такой результатъ человѣчнаго обращенія съ подчиненными огорчилъ полковаго командира и лишилъ его рѣшимости продолжать начатое имъ. Какъ бы испугавшись своего собственнаго дѣла, онъ сталъ удаляться отъ офицеровъ и избѣгать всякихъ съ ними сношеній внѣ службы. Непонятнымъ и грустнымъ показалось ему то обстоятельство, что въ другихъ полкахъ, при гораздо меньшей со стороны полковыхъ командировъ гуманности, офицерскія общества болѣе заслуживали уваженія: это увѣрило его въ неправильности тѣхъ убѣжденій, на основаніи которыхъ онъ до тѣхъ поръ дѣйствовалъ, и въ необходимости измѣнить свое обращеніе. Такимъ образомъ, благое начинаніе было оставлено, и полковой командиръ лишилъ себя средства ближе узнать и оцѣнить отдѣльныя личности.

Этотъ случай доказываетъ, до какой степени начальнику, желающему сближенія со своими подчиненными, должно быть осторожнымъ и не забывать, что у насъ не существуетъ еще совершенно правильнаго общественнаго мнѣнія людей образованныхъ, которые по достоинству и по внутреннему смыслу всякаго

поступка его оцѣнить и не допустить злоупотреблять имъ. Ему не должно забывать, что по образованію и по нравственному развитію мы еще дѣти и что, пустивъ насъ къ огню, надо смотрѣть за нами, чтобы мы не обожглись. Наконецъ, чтобы быть истинно полезнымъ, ему не должно забывать и того, что, ступивъ однажды на путь новыхъ убѣжденій и новаго человѣчнаго способа дѣйствія съ подчиненными, слѣдуетъ идти по этой дорогѣ твердо и неуклонно, не останавливаясь передъ нравственными затрудненіями, которыя неминуемо встрѣтятся.

Что строгость въ войскахъ еще иногда необходима въ настоящее время, въ этой мысли подтверждаетъ насъ и другой примѣръ, гдѣ дѣло будетъ идти о нижнихъ чинахъ. Мы знали одного командира полка, который совершенное отверженіе тѣлеснаго наказанія довелъ до крайнихъ предѣловъ и получилъ самые печальные результаты.

Мы далеки отъ того, чтобы отвергать много прекраснаго, истинно достойнаго въ характерѣ нашего русскаго солдата. Онъ безропотно и стойко переноситъ труды; онъ терпѣливъ, честенъ и храбръ; бывають случаи, когда въ пылу битвы онъ не задумается пожертвовать своею жизнью, чтобы спасти жизнь другаго. Но всѣ эти качества лежатъ въ основѣ характера не собственно русскаго солдата, а вообще русскаго народа. И отчего, выйдя изъ народной среды, солдатъ сдѣлается лучше своего прежняго собрата, крестьянина и мѣщанина? Можемъ ли мы допустить это, если примемъ въ соображеніе, что нерѣдко общество удѣляетъ войску самыхъ ненадежныхъ своихъ членовъ и помѣщикъ сбываетъ туда неисправимыхъ дворовыхъ людей? Гдѣ же задатки той особенно возвышенной нравственности солдатъ, о которой въ послѣднее время заговорили, между прочимъ, и въ статьяхъ «Военнаго Сборника»? Гдѣ ручательство въ томъ, что съ массой солдатъ все возможно сдѣлать одною кротостью, никогда не прибѣгая къ мѣрамъ строгости?

Для того, чтобы принести пользу, нужно откинуть мечтательные выводы и искать въ дѣйствительности полной истины, какъ бы эта истина ни была подъ часъ грустна. Общество требуетъ отъ литературы *правды*, а не мечтаній, увлекающихъ въ ошибки, какъ бы мечтанія эти ни были возвышенны, сколько бы ошибки эти ни происходили изъ благородныхъ побужденій.

Въ недостаткѣ примѣненія этого практическаго правила мы, кажется, имѣемъ право упрекнуть тѣхъ гг. авторовъ, статьи которыхъ часто отзываются обвиненіемъ начальникамъ частей и вообще всѣмъ офицерамъ, не умѣвшимъ какъ будто понять и оцѣнить достоинствъ солдата (*); намъ кажется несправедливымъ умиляться вообще надъ участью нижнихъ чиновъ въ ущербъ доброй славы офицеровъ, несправедливымъ обобщать такіе примѣры, которые имѣютъ, можетъ быть, глубокій смыслъ какъ исключенія, но не могутъ быть приняты въ основаніе общихъ выводовъ и общихъ правилъ.

Дворовый человекъ, значительно испорченный нравственно, поступаетъ въ военную службу и нерѣдко дѣлается хорошимъ, исполнительнымъ солдатомъ. Но неужели искать причину этого нравственнаго измѣненія въ томъ, что онъ перемѣнилъ одежду? Не вѣрнѣ ли приписать такое измѣненіе вліянію страха отвѣтственности и бдительному надзору, подъ которымъ онъ находится? Съ людьми, уже испорченными, нужно дѣйствовать, особенно въ началѣ, энергически. Можетъ случиться, что одинъ изъ такихъ людей вполне измѣнится и мѣры строгости будутъ въ отношеніи къ нему совершенно излишними; но едва ли можно допустить, что всѣ нравственно испорченные люди не нуждаются въ мѣрахъ строгости и что, управляя ими, можно совершенно этихъ мѣръ избѣгнуть.

Впрочемъ, вмѣсто отвлеченныхъ разсужденій, лучше обратимся снова къ тому примѣру, на который мы въ предыдущихъ строкахъ указали.

Вышеупомянутый полковой командиръ, воспретивъ ротнымъ командирамъ тѣлесное наказаніе солдатъ иначе, какъ съ его разрѣшенія и за такой проступокъ, который долженъ былъ быть всегда подробно объясненъ въ рапортѣ ротнаго командира, строго и неусыпно слѣдилъ за исполненіемъ этого правила. Случаи разныхъ солдатскихъ шалостей и проступковъ были весьма часты, и исполненіе требованія полковаго командира должно было повлечь за собою безпрестанныя подробныя донесенія со стороны ротныхъ командировъ; но частыя донесенія были для рот-

---

(*) Мы встрѣчали относительно солдатъ такіа выраженія: «блѣдный, исхудалый, эмблема безропотнаго молчанія, «безконечнаго терпѣнія» и пр.

ныхъ командировъ затруднительны въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, на обширную переписку по предмету солдатскихъ проступковъ не доставало матеріальныхъ средствъ; во-вторыхъ, всякій ротный командиръ избѣгалъ частыхъ жалобъ для того, чтобы не выставить вѣренной ему части въ невыгодномъ свѣтѣ, чего онъ имѣлъ полное право опасаться даже въ тѣхъ видахъ, чтобы не повредить самому себѣ. Такимъ образомъ, сначала пропускались безъ вниманія мелочи; это послабленіе повлекло за собою болѣе важныя проступки солдатъ, — проступки, которые чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще и чаще повторялись и на которые тоже не было обращено должнаго вниманія. Дѣло кончилось тѣмъ, что черезъ нѣсколько времени солдаты этого полка уже рѣшались грабить въ городѣ.

Вотъ причины, заставляющія насъ задуматься надъ возможностью немедленнаго и безусловнаго примѣненія такихъ правилъ челоувѣчности, которыя безспорно прекрасны, пока остаются одною теоріей, и безспорно сдѣлаются примѣнимыми чрезъ нѣсколько времени, при большемъ развитіи образованія въ армейскихъ пѣхотныхъ полкахъ.

Возвратимся къ настоящему предмету нашей статьи — къ офицерамъ.

Многіе привыкли разумѣть подъ словомъ *образованіе* знаніе наукъ и языковъ; мы понимаемъ это слово шире и считаемъ истинно образованнымъ только того, въ основѣ воспитанія котораго лежали нравственныя начала, не допускающія его въ жизни ни до какого поступка. унижающаго челоувѣческое достоинство, воспреещающія ему рабское поклоненіе сильнымъ міра сего, незаконное стяжаніе, угнетеніе слабѣйшаго; мы считаемъ истинно образоннымъ только того челоувѣка, который понимаетъ свои обязанности и свято ихъ выполняетъ, только того, который не остановится ни передъ трудомъ, ни передъ лишеніемъ въ исполненіи своего долга. Къ образованію свѣтскому и научному даютъ возможность матеріальныя средства жизни; но образованіе, о которомъ мы говоримъ, можетъ получить всякій, самый бѣдный изъ насъ, если онъ только честенъ сердцемъ и не выросъ въ нравственно испорченной средѣ. Челоувѣкъ ученый можетъ быть и полезенъ и приятенъ, но въ то же время не заслужить уваженія добропорядочныхъ людей; челоувѣкъ нравствен-

ный, въ какой бы обстановкѣ его ни поставила судьба, всегда будетъ пользоваться этимъ уваженіемъ. Говоря объ образованіи офицеровъ, мы имъ желаемъ именно того образованія, которое разумѣемъ подъ этимъ словомъ; въ наше время уже всѣ поняли, что преимущества наружныхъ отличій и мундира недостаточны, что нужны внутреннія, положительныя достоинства въ извѣстномъ сословіи для того, чтобы сословіе это пользовалось общественнымъ уваженіемъ.

Провести между офицерами согласныя съ этимъ убѣжденія и правила лежитъ на обязанности «Военнаго Сборника». Органъ гласности въ военномъ быту, онъ не долженъ останавливаться передъ рѣзкостью выраженія или факта; пусть будетъ рѣзко то, что справедливо, но справедливое всегда должно найти въ немъ мѣсто. Роль «Военнаго Сборника» трудна и обширна. Требования отъ него весьма различны и совершенно зависятъ отъ вкусовъ и возрѣвій разныхъ лицъ. Въ числѣ его читателей есть такіе, которые, набравшись кое-какихъ поверхностныхъ знаній, считаютъ себя учеными и требуютъ ученыхъ статей; еще болѣе между пѣхотными офицерами найдется такихъ, которые этихъ статей не читаютъ вовсе, говоря, что не ихъ дѣло заниматься вопросами объ артиллеріи, кавалеріи, военной администраціи и пр., потому что это до нихъ прямо не касается, — такихъ, для которыхъ вся житейская или, по крайней мѣрѣ, служебная мудрость сосредоточена въ Уставѣ. Мы не можемъ упрекнуть «Военный Сборникъ» въ недобросовѣстномъ выполненіи всѣмъ намъ извѣстной Высочайше утвержденной его программы; конечно, онъ стремится и научить насъ и провести въ военномъ сословіи благотворныя и здоровыя нравственныя убѣжденія, и наполнить его единымъ духомъ совершенствованія, единымъ духомъ стремленія къ тому, чтобы идти впередъ и приобрѣтать познанія.

Но мы еще недостаточно подготовлены для тѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремится. Редакціи слѣдовало бы принять въ соображеніе, что въ статьяхъ журнала еще многое иногда для насъ темно, а слѣдовательно и неинтересно; къ наукѣ слѣдуетъ насъ приохотить мало по малу чтеніемъ такимъ, которое было бы занимательно и близко къ сердцу большинства. Есть множество вопросовъ, непосредственно касающихся до нашей обыденной жизни, — вопросовъ, еще не затронутыхъ. Статьи, которыя

ихъ поднимуть, многихъ и многихъ офицеровъ пробудятъ отъ ихъ равнодушія къ чтенію.

Оканчивая, считаю своимъ долгомъ извиниться предъ обществомъ армейскихъ пѣхотныхъ офицеровъ, къ которому и самъ почти десять лѣтъ принадлежу, въ томъ, что чистосердечно, безъ утайки и, можетъ быть, иногда рѣзко высказалъ о нихъ свое мнѣніе. Если что нибудь въ моей статьѣ оскорбитъ ихъ, пусть они меня извинятъ, во вниманіе того, что мною руководило желаніе добра, что я говорилъ, какъ честный чловѣкъ, жаждущій пользы своего отечества и того сословія, къ которому имѣю честь принадлежать.

С. В.—СКІЙ.